

УДК 81'37

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-62-67

**ДРАМА БРОШЕННОСТИ В ПОВЕСТИ Г. БАШКУЕВА  
«ЗАПИСКИ ПОЖИЛОГО МАЛЬЧИКА» («УБИТЬ ВРЕМЯ»)**

© *Башкеева Вера Викторовна*

доктор филологических наук, профессор,  
Бурятский государственный университет  
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6.  
E-mail: oaelun@mail.ru

В статье рассматриваются первый и второй варианты повести бурятского писателя Геннадия Башкуева: «Записки пожилого мальчика» (2007) и «Убить время» (2016). Анализируется новый для литературы России тип героя — «пожилого мальчика». В центре внимания прежде всего новеллы «Тайна», «Вещь», «Роман с чемоданом, или лодка без весел». Рассматриваются факторы формирования личности героя, особенности мальчикового типа поведения, принцип самооблачения героя. Среди выделенных факторов особое внимание уделено образу отца, воспринимаемого как Бог, и комплексу чувств, связанных с его уходом. Уточняется, что драматизм судьбы героя связан не только с драмой перестроечного времени, длительного перехода от традиционного общества к гуманистическому, но также и с драмой брошенности отцом.

**Ключевые слова:** Геннадий Башкуев; повесть; тип «пожилого мальчика»; отец; драма брошенности.

Повесть «Записки пожилого мальчика» (2007) известного бурятского писателя Геннадия Башкуева занимает в его творчестве особое место, в том числе и потому что автор через девять лет после первой публикации создал второй вариант повести под названием «Убить время» (2016). Были внесены существенные изменения в состав произведения, что, разумеется, повлекло за собой изменение смыслов.

Перечислим отдельные изменения: последняя новелла «Убить время» дала название всей повести, были написаны новые части «Сложная пара», «Вверх по Миссисипи», «Селедка под шубой». Три новеллы были изменены и дополнены с новым материалом: новелла «Тайна» дала начало трем частям — одноименной «Тайне», рассказам «Дело табак», «Мелочи жизни»; две новеллы получили новое название «Слоны не играют в футбол» — «Вход со двора», «После дождика в четверг» — «После пятницы четверг». В итоговом варианте вместо 10 теперь 15 новелл.

Изменилась композиция произведения. Пожалуй, важнейшее изменение связано с композиционной инверсией, когда начальная, достаточно знаковая повесть «Слоны не играют в футбол» с ее драматизмом инакового героя Серреги-Слона ушла в середину цикла, а «Тайна» в варианте «Дело табак» с сюжетными линиями о тонущем и спасающемся мальчике и кардиологическом отделении открывает повесть. Сразу задается идея спасительного случая в судьбе мальчика и отсутствие спасения (везения) в жизни взрослого.

Драматизм жизни взрослых подтверждается в оставшемся сквозном сюжете по делу попавшего в камеру предварительного следствия и позднее осужденного главного героя Гендоса (Г. Н. Болотова).

Включение богатого материала о матери, бабушке усиливает идею семьи, но сдвигает образ отца из центра повествования. И, конечно, важно новое название — «Убить время», расширительное по отношению к последней повести, касающееся всего поколения пацанов, судьбы страны. Надо отметить, что социальная критичность в повести усилилась, автор с горечью констатирует, как пагубна была для страны перестройка: «...половина моих одноклассников вымерли в годы реформ» [3, с. 73].

Все эти изменения не отменили тем не менее очень важную для Г. Башкуева тему, связанную с воплощением определенного психотипа героя — типа «пожилого мальчика», «старого мальчика». Конечно, этот тип был показан более выпукло в первом варианте повести, но достаточно ярко и в журнальном варианте, особенно в рассказе «Тайна».

Можно частично согласиться с Т. Бороноевой, что в этом именовании «обозначено внутреннее состояние рассказчика-героя, иронично называющего себя пожилым мальчиком» [5, с. 97]. Ироничность как игра слов, образов, субстанций характерна для «Записок...», но оксюморон не всегда игра. Оксюморон порождает новые смыслы, открывает новые семантические пространства. «Пожилый мальчик» — это и новое социальное явление, запечатленное Г. Башкуевым, новый тип человека, в том числе тип поведения человека, в условиях длительной смены традиционного общества на гуманистическое в его постиндустриально-технократической разновидности.

Важно уточнить при этом, что понятие «гуманистическое общество» отнюдь не является позитивным или бравурным, а понятие «традиционное общество» совсем не общество вчерашнего дня в прямом и переносном смысле. Традиционное общество — это общество с осязаемыми национальными скрепами и четко артикулированными общественными идеями и ценностями. Гуманистический тип общества, связанный с опорой на тип новоевропейского человека, отказавшегося от идеи духовного абсолюта, создает размытую ценностную шкалу и чреват экзистенциальными драмами. Применительно к башкуевскому герою можно говорить о смене советского, социалистического, традиционного общества на постсоветское, капиталистическое, постиндустриально-технократическое общество. «К периоду социализма относится его пацанское детство, в настоящий момент он проживает странный микс детства, зрелости и старости» [4, с. 35].

Новый тип литературного героя, открытый Г. Башкуевым, практически не имел предшественников. Разве что упоминание фонового персонажа — пожилого мальчика в романе «Старый год» (1998) Кира Булычева, или чуть позднее, в середине нулевых годов XXI в., мелькание данного концепта в мире поп- и рок-музыки\*. Особый интерес представляет рассказ «Пожилый мальчик» (2014) автора, скрывающегося под ником `rono_mar`, в рассказе

---

\* URL: <http://www.nestor.minsk.by/mg/1999/07/mg90705.html>

проведена связка между типом героя, пожилого мальчика, и отсутствующим его отцом [12].

В границах этого нового для русской литературы типа у Г. Башкуева особый градус откровенности, вплоть до некоторых физиологических откровений. Как будто герой стремится вывернуть свое внутреннее зло, как будто автор стремится одновременно принизить героя, возвышая его, и возвысить героя, принижая его. Принцип саморазоблачения героя не нов в истории русской литературы. Достаточно вспомнить Чулкатурина в «Дневнике лишнего человека» Тургенева (1849) или героя «Записок из подполья» Достоевского (1864). Жанровые установки позволяют особое, не ангажированное собеседником или этическими нормами, этикетными регулятивами раскрытие личности. Поэтому здесь много исповедального, но с особым, ерническим налетом, за которым прячется чувствительная, страдающая, умственно развитая, часто неуверенная в себе личность

Судьба и сердце сводят его с подобными ему женщинами. В новелле «Тайна» он встречается со своим двойником — Надей, «старой девочкой с крылышками на узкой спине» [1, с. 75]. Несчастливость, какая-то бесприютность, сиротливость героини намекают и на героя с его внутренней драмой. К женщине для утех Оле-Пятнице («После дождика в четверг») его тянет то, что в ней «женское вполне мирно уживалось с девчоночьим <...>, прысканье в ладошку с продуманным флиртом» [1, с. 79].

Мальчиковость пожилого мальчика, как было сказано, — это особый тип поведения. Ярko он проявляется в новеллах, связанных с описанием вещей — реглана и чемодана. Эти вещи представляют в настоящей жизни героя за его детство, за связь с отцом, для которого был куплен этот дорогой реглан и от которого он по-своему пострадал. Пострадала, впрочем, вся семья. Фибровый чемодан также связан с отцом, который умел быть оригинальным, веселым, творчески изобретательным, смелым. В одну из звездных семейных минут, после того как отец помучил сына своим уходом, он повел семью в баню, неся в чемодане березовые веники, которые вручил потом как цветы нуждающимся женщинам.

Мальчик в том походе понял, что такое счастье. «Отец шел по правую руку и нес чемодан, мама, смеясь, по левую, и когда попадалась ледовая дорожка, мы втроем дружно разбегались, и я, держась за руки взрослых и крича от счастья, катился по льду» [1, с. 49].

В семантике образа кроется и мировоззренческая составляющая, своеобразное напутствие отца сыну: «Человек без чемодана представляет жалкое зрелище. Все равно что лодка без весел. И не человек вовсе, а полчеловека. А мужик и подавно. Если у тебя под рукой, под ногой или под жопой фибровый чемодан, значит, еще не все потеряно» [1, с. 39]. Жизненная максима, хоть и комично интерпретированная, навсегда вошла в сердце сына, тем более что произнесена она была накануне окончательного отцовского ухода из семьи.

Рай похода в баню сменился на ад переживаний. Мучительное переживание ухода отца стало едва ли не главным фактором формирования личности и поведения героя. Переживание это было непрекращающимся, состоящим из разных начал — презрения, понимания, тоски, печали, мечты о несбыточном. О несбыточном повествует сон, приснившийся герою после всех перипетий с чемоданом: «Над рекой встает туман, течение ленивое и мощное, но мне не страшно, потому что по правое весло сидит во всем чистом отец, по левое — мама в новом платье и капроновых чулках, они молча улыбаются мне, седому мальчику, сидящему у руля» [1, с. 50].

Вообще тоска по отцу как важнейшая часть воспоминаний о детстве является одним из трех определяющих личность и поведение героя начал («Чем дальше вглубь реальности, тем больше вглубь собственного подсознания» [11, с. 18]). Второе — это писательство, как хобби, и судьба героя, и форма проведения времени в камере предварительного заключения. Третье — любовь, о которой часто говорит герой-рассказчик, женщины, подруги, несчастные или случайные, каждой из которых он дорожит. Причем жена не входит в их число, ибо является не приключением или отдушиной, а частью статуса и быта. Сам же герой не выделяет писательство как личностнообразующий вектор, говорит о двух других: «Детство и любовь к женщине суть одно и то же» [1, с. 9].

Г. Башкуев запечатлел в своем герое тоску по отцу, по отцу как Богу. Брошенность отцом есть главная личная драма героя. Боль от ухода отца — «экзистенциальный дефицит» [9] по-настоящему не ушла из жизни героя, он так и не смог обрести в мимолетных обстоятельствах жизни спокойствие, настоящее мужское мужество, твердость. Не случайно так прохладны его отношения с сыном, которого он недостаточно любит. Его легко вовлечь помимо его желания в какую-то ситуацию, историю, авантюру, что легко делает Ренат или проститутка Алена. Паралич воли не давал герою стать самим собой. Само его писательство имеет едва ли не сублимированную природу — написав о детстве, вытеснить из души эту драму. В данном контексте защита сумасшедшей — не проходное событие в его жизни. Это высшая точка в судьбе героя, в его стремлении во-плотиться, это момент обретения долгожданной мужественности, это инициация, которая наконец свершилась, это встреча с отцом. Торжество и ирония момента в том, что конец его жизни уже предопределен.

Драма безотцовщины [6] касается не только главного героя. Послевоенное поколение, к которому относятся все пацаны, в полной мере испытало на себе как гибель отцов на войне, так и сложности адаптации вернувшихся мужчин к мирной жизни (особенно ярко раскрыто в рассказе «Сложная пара»).

Оставленность Отцом — тема, обретающая особую значимость в литературе рубежа веков. Вариации на тему Эдипова комплекса, когда в этом архетипическом сюжете читаем тоску по отцу, становятся особо актуальными. Достаточно вспомнить Захара Прилепина, в его романе «Санька» и сборнике «Восьмерка» исследователь отмечает: «Писатель уделяет достаточно

много внимания теме взаимоотношений отца и сына: «Данная проблема присутствует в значительной части повестей, то находясь в самом центре повествования <...> то отступая на второй план...» [10, с. 68–69].

Конечно, в комичности пристраивания чемодана в качестве театрального реквизита и обилии таких чемоданов, помимо наблюдательности и ума автора, дает о себе знать присущая эпохе создания повести Г. Башкуева активная театрализация жизни, доминанта игровой культуры. В литературе Бурятии — в достаточной степени традиционного культурного национального региона России — игровые постмодернистские формы не получают столь яркого проживания и выражения, как в литературе федерального уровня, по привычке называемой «русская литература». Однако для творчества Г. Башкуева они весьма характерны. Вообще литература для него, по мысли С. С. Имихеловой, является «своего рода игрой со временем, с действительностью, с тем, что подавляет художника романтического склада. Игрой стало претворение собственной жизни в факт искусства <...> И не мудрено, что театральность, тяга к драматическим жанрам, станут неотъемлемыми свойствами творчества будущего писателя» [8].

#### *Литература*

1. Башкуев Г. Записки пожилого мальчика. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. 168 с.
2. Башкуев Г. На переломе. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. 492 с.
3. Башкуев Г. Убить время. Повесть // Байкал. 2016. № 2. С. 3–76.
4. Башкеева В.СВ. Между социализмом и капитализмом: драма героя в повести Г. Башкуева «Записки пожилого мальчика» // Вестник Бурят. гос. ун-та. Филология. 2018. № 3. С. 35–40.
5. Бороноева Т. А. Особенности автобиографизма в современной бурятской художественной культуре // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4(13). С. 96–100.
6. Глазкова Т. В. Образ и роль отца в русской культуре // Культура культуры. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-i-rol-ottsa-v-russkoy-kulture> (дата обращения: 24.10.2018).
7. Жорникова М. Н. «Записки пожилого мальчика» Г. Башкуева: к вопросу об определении жанра // Русская литература в России и мире: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. С. 200–207.
8. Имихелова С. С., Иванова А. А. «Роман» с театром: к литературной биографии Геннадия Башкуева // Вестник Бурят. гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2016. Вып. 2. С. 12–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-s-teatrom-k-literaturnoy-biografii-gennadiya-bashkueva> (дата обращения: 25.10.2018).
9. Секацкий А. Отцеприимство // Сеанс. [2004]. № 21–22. URL: <http://seance.ru/n/21-22/novyiy-geroy-otets-i-syin/ottsepriimstvo/> (дата обращения: 25.10.2018).
10. Штейнбах К. В. Образ отца и тема отцовства в творчестве Захара Прилепина: роман «Санька» и сборник повестей «Восьмерка». URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylog/2014/04/2014-04-18.pdf> (дата обращения: 24.10.2018).

11. Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Изд-во Р. Элинина, 2000. 368 с.

12. Pono\_mar. Пожилой мальчик. URL: [https://pono-mar.livejournal.com/asset-pono\\_mar-1803#asset-pono\\_mar-3211](https://pono-mar.livejournal.com/asset-pono_mar-1803#asset-pono_mar-3211) (дата обращения: 26.10.2018).

DRAMA OF FORSAKENNESS OF THE HERO IN STORY OF G. BASHKUEV  
«THE NOTES OF YOUNG OLD MAN» («TO KILL THE TIME»)

*Vera V. Bashkeeva*

Dr. Sci. (Phil), Prof.,

Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the first and second versions of the story by the Buryat writer Gennady Bashkuev: «Notes of an Elderly Boy» (2007) and «To Kill the Time» (2016). A new type of hero for the Russian literature is analyzed - the “old boy”. The focus is primarily on the novels «Mystery», «The Thing», «A Novel With a Suitcase, Or a Boat Without Oars». The author reviews the factors of formation of hero's personality, features of boy's type of behavior, the principle of hero's self-exposure. Among the factors highlighted, special attention is paid to the image of the father, perceived as God, and the complex of feelings associated with his departure. It clarifies that the hero's drama is connected not only with the drama of perestroika time, long transition from traditional to humanistic society, but also with the drama of abandonment by the father.

**Keywords:** Gennady Bashkuev; story; type of «old boy»; father; drama of abandonment.